

«НАДЕЖДА СПАСЕНИЯ»
Флорида

«МСМ»
Санкт-Петербург
2016

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛОРИ
ВИК

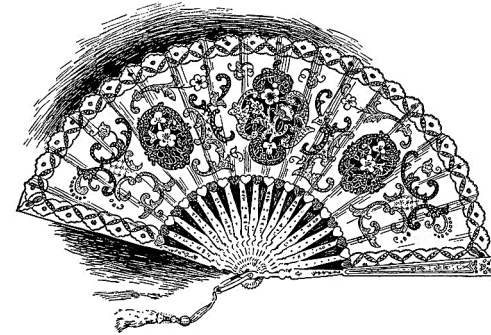

КЕНСИНГТОНСКИЕ ХРОНИКИ

На протяжении девятнадцатого века Кенсингтонский дворец служил олицетворением благородного наследия молодой королевы Британии и простой элегантности той незабываемой эпохи. Викторианская эпоха явилась кульминацией английской мечты, временем умопомрачительных приключений и возвышенной любви. События данной серии книг происходят как раз в это время, когда надежда дарила обещание.

ПРОЛОГ

*Лондон
1832 год*

Гроб накренился в руках моряков, когда они подняли его и понесли в сторону доков. Лорд Рэндольф Галлахер, маркиз Вудбурнский, следил за их движениями, и его сердце сжалось от боли, хотя он и понимал, что его покойная жена уже ничего не чувствует. Корабль, на котором он только что приплыл из Аравийского моря, и с которого ему так хотелось сойти на протяжении многих недель, теперь являл собой некое подобие утешения. Он смотрел за тем, как мужчины спускались по сходням, но не спешил следовать за ними.

Массивный экипаж подъехал к ожидавшему на берегу катафалку, и лорд Галлахер мгновенно узнал его. Но даже теперь он не двинулся со своего места на палубе Кэтрин Энн. И только когда маленькое, бледное, напряженное лицо его матери показалось в окне экипажа, ноги сами понесли его вперед.

Он остановился под ее окном, и благодаря высоте экипажа и его собственному росту их глаза оказались на одном уровне.

— Это правда? То, что было написано в письме?

— Да, правда. Кэтрин мертва.

— И Санни? — прошептала она.
Рэндольф только покачал головой.

— Ее так и не нашли.

Пожилая женщина, и без того маленькая, казалось, прямо на глазах стала еще меньше.

— Я не могу в это поверить, Рэнд. Если бы ее не было на свете, я знаю, я почувствовала бы это. Я просто не могу поверить в то, что она тоже мертва.

Глаза Рэндольфа были полны сострадания. У него были недели во время путешествия домой, чтобы осознать смерть жены и маленькой дочери, но его родные получили это известие всего несколько часов тому назад. Еще раз осмотрев катафалк, Рэндольф сел в экипаж матери. Он слышал, как она продолжала шептать, что этого просто не может быть.

Рэндольф молча молился о том, чтобы его мать могла принять свершившийся факт — смерть своей крошечной тетки. Он знал, что пока она не сделает этого, она не даст своему сердцу исцелиться.

Когда экипаж пришел в движение, он перестал думать о матери. Теперь перед его мысленным взором стояли лица троих старших детей. Им нужно будет сказать, и побыстрей, что их мать и сестра мертвы.

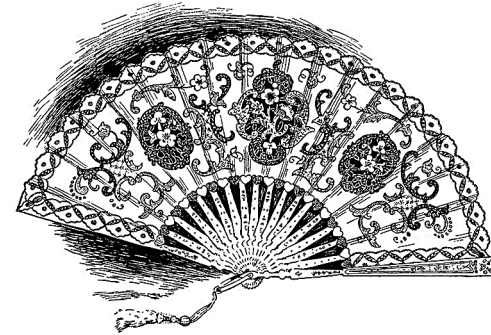

ЧАСТЬ I

Шайни

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Дархабар
3 мая 1844 года*

Воспитанница эмира выглянула из затененного дверного проема в пустой внутренний дворик. Путь казался открытым, но она отлично знала, что это впечатление может быть обманчивым. Убедившись в том, что все спокойно, Шайни неслышно пересекла двор.

Стража, незримо стоящая в предписанных ей местах, позволила ей пройти. Она бегала через этот двор без спору, когда ей не было и пяти лет. И хотя стражники должны были останавливать ее, они никогда не делали этого — Шайни была любимицей их господина. И все же, прежде чем она достигала палат эмира, о ее действиях успевали доложить.

Ахмад хан, правитель Дархабара, легким кивком головы отпустил молодую рабыню, которая прислуживала ему, когда у входа в его личные покои появился Али — его главный советник. Им нужно было поговорить без посторонних. Мужчины, давно ставшие друзьями, с комфортом устроились на подушках и заговорили приглушенными голосами.

— Она будет здесь с минуты на минуту, — сообщил Али своему господину.

— Насколько я понимаю, она перебежала внутренний двор.

— Именно поэтому я и пришел, — продолжал Али. — Это знак того, что ей снова беспокойно. Она наверняка захочет поговорить об Англии.

Ахмад задумчиво кивнул. Почти тринадцать лет назад в его дворец доставили маленькую девочку и ее мать. Девочка, которой было, как им тогда показалось, чуть больше двух лет, вцепилась в свою маму. Женщина едва не утонула и теперь находилась при смерти.

Ахмад видел, что она была красавицей. Это было заметно даже тогда, когда она находилась на пороге смерти. Если бы она выжила, он оставил бы ее себе. Через несколько дней после ее смерти во дворец явился отец девочки, но к этому времени Ахмад был настолько очарован хорошеньким ребенком, что солгал, сказав, что никогда не видел ее.

Скорбящего мужа проводили к телу жены. Тело Кэтрин Галлахер было красиво убрано и обернуто в благоухающую дорогими благовониями ткань. Его без промедления доставили на корабль ее мужа, и эмир поднялся на башню, с которой он смотрел вслед уплывающему кораблю, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

С этого момента в Англии осторожно наводились справки относительно дома и семьи девочки. Но прежде, чем к Ахмаду поступили какие-либо сведения, он назвал ее Шайни. Ее имя означало «дивная», и она действительно была дивной в его глазах. Ее голова была усыпана каштановыми кудряшками, а глаза были цвета фиалок. Никогда в жизни он не видел подобных глаз.

На протяжении всех этих лет она была отрадой его очей. Не было дня, когда бы ей не позволили войти в его покои.

Если одна из жен или наложниц эмира оставалась у него на ночь, то Шайни держали подальше, в остальное время ей позволялось отправляться на его поиски. Он был самым близким для нее человеком, если не считать двух других домочадцев: главного советника Али и любимой жены эмира Индиры.

Индира так и не родила эмиру дочери. Она осчастливила его пятью здоровыми сыновьями, старший из которых был наследником престола, но девочки все не было. И Шайни стала дочерью не только для него, но и для нее. Индира любила ее как собственного ребенка, и между ними никогда не возникало и минутной ревности, чего нельзя было сказать о других женах Ахмада, а также о его наложницах и детях. Однако с Шайни не приключилось никакой беды, поскольку целый дворец не спускал с нее глаз. Ее статус любимицы эмира обеспечивал ей надежную защиту; кроме того, он давал ей привилегии, которых у нее не должно было быть.

— Она скоро будет здесь, мой повелитель, — сказал Али, называя эмира так, как он называл его еще в те годы, когда на троне сидел его отец.

Ахмад решительно кивнул.

— Оставайся сегодня поблизости. Если ты прав, и ей захочется поговорить о ее родине, то мы воспримем это как знак. Ты знаешь, что нужно делать дальше.

Али встал и отвесил низкий поклон. Он неслышно спрятался за полупрозрачную штору как раз в тот момент, когда эмиру доложили о приходе Шайни.

— Мне кажется, малышка, что сегодня тебе почему-то трудно сосредоточиться на игре.

Шайни откинулась на подушки и задумчиво посмотрела на шахматную доску.

— Вчера я была в башне, — призналась она чуть слышно, поскольку ходить туда было строго запрещено.

— А позавчера — на конюшне, и сегодня — во внутреннем дворе, — добавил Ахмад сдержанно. — И все же мне сдается, что сейчас ты думаешь не о совершенных тобой грехах.

Шайни склонила голову в знак согласия, но потом наклонилась вперед, и ее юная душа засветилась в ясной и бесхитростной глубине ее глаз.

— В порту стоял английский корабль. Я не смогла его как следует разглядеть, но мне показалось, что на борту были две женщины. Они были одеты в длинные платья, и на их головах были платки, но их лица были открыты.

Сердце Ахмада защемило, но выражение лица оставалось прежним. Он ожидал этого, но его догадки не облегчили того дела, к которому предстояло преступить. Он тщательно обдумывал то, что должно было произойти в следующие несколько лет, и знал, что нужно было делать. За плечом Шайни мелькнула фигура Али, который вышел из укрытия и неслышно покинул помещение.

— И тебе бы хотелось, — Ахмад снова сосредоточил свое внимание на девочке, — оказаться на борту этого корабля.

— О, пожалуйста, Поппи, — обратилась она к нему так, как делала это, будучи еще совсем маленькой. — Я обещаю, что целый месяц не буду ходить во внутренний двор и в конюшни.

Ахмад снисходительно покачал головой.

— Посмотрим.

Это было самое большое, что он когда-либо обещал, и Шайни обвила руками его шею. Другие дети никогда не приближались к нему без особого разрешения, но в отношениях со своей Шайни он допускал спонтанность.

После того как Шайни услышала хорошую новость, она не стала играть лучше; теперь посторонние мысли занимали ее еще больше, чем прежде. Поэтому минут через десять она попросила разрешения удалиться, и Ахмад не стал ее задерживать.

Мгновение спустя в помещение вошел Али и внимательно посмотрел на лицо своего господина. На первый взгляд лицо Али было непроницаемым, но, присмотревшись внимательней, в глубине его глаз можно было прочесть печаль.

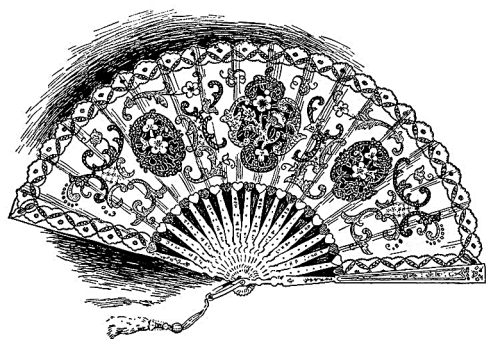
— Ты сделал все, что следовало, Али?

— Сделал.

— Теперь нам остается только ждать, — сказал Ахмад, и его глаза наполнились болью. Увидев это, Али почувствовал, что его повелитель нуждается в уединении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шайни тихонько прошла через дворец и снова оказалась в своих покоях. Она сбросила с себя короткую бледно-лиловую рубашу, надетую на голое тело, и отбросила подальше фиолетовые штаны, которые свисали чуть ниже пупка и завязывались на лодыжках.

На протяжении нескольких долгих минут она рассматривала свое обнаженное отражение в зеркале, после чего тихонько выскользнула из дверей и оказалась в помещении с бассейном. В это время дня в бассейне обычно никто не купался, и Шайни, которая начинала стесняться отсутствия определенных округлостей на своем теле, предпочитала купаться в одиночестве.

— Четырнадцать лет, — произнесла она несчастным голосом, лениво плывя по кругу, — груди нет, бедер нет, а ноги длинные и прямые, как у мальчишки. Поппи придется хорошо заплатить тому, кто согласится взять меня в жены.

— Разговариваешь сама с собой, Шайни?

Шайни негромко рассмеялась, когда Индира, единственная мать, которую она когда-либо знала, подошла ближе и села на краю бассейна.

— Ты больше не купаешься с нами по утрам, малышка. Что случилось?

Шайни нырнула под воду, но от Индиры было не так-то легко отделаться, и когда Шайни вынырнула, она сидела на том же месте. Ее темные глаза глядели серьезно, но с любовью; в них был вопрос, но было и терпение.

— Мне беспокойно, — призналась Шайни. — Не прошло и получаса, как я говорила с Поппи. Теперь я плаваю одна и расстраиваюсь из-за моей фигуры. Мне больше ничего не нравится. Поппи прав; я самый избалованный ребенок во дворце.

— И что же не так с твоей фигурой?

— У меня нет фигуры; вот что не так.

— Ты еще слишком молода.

— Кадим младше меня и уже беременна, — заметила Шайни резонно.

Она говорила о другой дочери Ахмада, которая развилась как женщина два года назад, и теперь была замужем и ожидала ребенка.

— Мне четырнадцать лет, — отметила Шайни, как если бы Индира могла забыть об этом.

При этом Шайни не знала, что Индира только и делала, что думала о ее возрасте. Рост и речь Шайни ввели их в заблуждение тринадцать лет назад, но теперь было совершенно очевидно, что Шайни не было четырнадцати лет.

Она также знала, что сообщить ей об этом сейчас — это значило разбить ее юное сердце. И дело было не в том, что девочка расстроилась бы, узнав, что ей на год меньше, чем она думала. Это как раз принесло бы ей большое облегчение. Но тогда пришлось бы признать и всю остальную ложь, которую они говорили ей на протяжении тех лет, что она жила с ними. Даже если бы Ахмад и не запретил ей говорить об этом, Индира и сама никогда бы не решилась на

это. Это бы мгновенно успокоило Шайни в том, что касалось ее фигуры, но при этом стало бы поводом к такой боли и недоверию, что, возможно, она бы никогда уже не стала их прежней Шайни.

— Ты не переживаешь из-за этого? — спросила Шайни от края бассейна, где она теперь обсыхала. Индира была единственным человеком, кому она позволяла видеть себя обнаженной.

— Нет. Ты не Индира, и ты не Кадим. Ты — Шайни, и ты станешь женщиной в свое время.

Мать и дочь вместе пошли в покои Шайни. Девочка накинула на себя короткий халатик, после чего устроилась рядом с матерью на подушках. Индира тут же начала расчесывать волосы Шайни. Она делала это перед тем, как Шайни ложилась спать, с самых первых дней пребывания Шайни во дворце. Сейчас было еще не время сна, но Индира чувствовала, что Шайни нуждается в ее нежных прикосновениях.

И как случалось уже много раз, Индира задумалась о том, какой была родная мать Шайни. Она не видела полуживую женщину, которую вытащили из воды и принесли во дворец, но она слышала, что женщина эта была красавицей. До того времени Индира считала, что все англичанки бесцветные и холодные как внешне, так и по темпераменту, но мать Шайни, не говоря уже о самой Шайни, доказала обратное.

Глаза Шайни были настолько синими, что казались фиалковыми, что было большой диковиной в их маленькой стране. И хотя у Индиры не было на то доказательств, она полагала, что такие глаза были редкостью и в Англии. Но Индира переменяла свое мнение об англичанах не только из-за внешности Шайни, но и из-за ее характера.

Индира много раз видела, как твердо входит эта девочка в покои Ахмада, как высоко держит голову, даже если ее ждет наказание. Шайни редко признавала свою неправоту,

еще реже говорила, что сожалеет о содеянном, — она жалела только о том, что ее поймали. Индира, даже зная, что она — любимая жена эмира, никогда бы не решилась на подобную дерзость.

— Поппи сказал сегодня, что я могу сходить на английский корабль, — вдруг заговорила Шайни, и рука Индиры, державшая гребень, замерла. — Ну, не совсем так. Он сказал, что подумает.

— Ну, в таком случае, — сказала Индира, пряча страх в голосе, — теперь у тебя есть что-то, о чем ты можешь помечтать. Это поможет занять твои беспокойные мысли.

С этими словами Индира заключила ее в объятия, и хотя в этом не было ничего странного, Шайни почувствовала, что мать обняла ее немного крепче, чем обычно.

Этот вечер закончился хорошо для Шайни, поскольку она была единственным ребенком, который ужинал с Индирой и Ахмадом. Они смеялись и ели до тех пор, пока у Шайни не стали слипаться глаза.

Когда дворцовый евнух повел Шайни в ее покои, Индира присоединилась к Ахмаду в его опочивальне. Они говорили много часов, прежде чем заснули. Эта ночь не была ночью страсти. Это была одна из тех ночей, когда Ахмад держал плачущую Индиру в объятиях, пока она не заснула.

